

Из современной японской поэзии

Перевод и вступление А ДОЛИНА

Хироси Сэкинэ и Румико Кора принадлежат к поколению поэтов, сказавшему новое слово в послевоенной японской литературе. Не похожи их биографии, различны направления творчества. Сэкинэ — непримиримый бунтарь, пришедший в поэтические журналы из заводских цехов, вооруженный талантом прирожденного полемиста. Кора — прежде всего тонкий лирик. Ее волнует полет снежинки, завораживает музыка при боя. Объединяют же этих поэтов, прошедших через ужасы войны и живущих в современном капиталистическом обществе, — демократизм, любовь к своей родине, Стране восходящего солнца, забота о ее будущем.

Хироси Сэкинэ не молод, ему уже за пятьдесят. Молоды и полны «силы, бурлящей в городах Японии», его стихи, статьи об искусстве, политические памфлеты. К поэзии Сэкинэ обратился уже в зрелом возрасте. До этого он переменял множество профессий, жил в разных городах, работал на заводах, участвовал в стачках и... учился писать.

Выходец из бедной рабочей семьи, Сэкинэ с тринадцати лет сам зарабатывает себе на жизнь. Ему удалось окончить лишь начальную школу — на учебу не хватало средств. До войны Сэкинэ работает на металлургических предприятиях, затем устраивается корреспондентом в небольшую провинциальную газету. После войны сотрудничает в отраслевых печатных органах профсоюзов, занимаясь вопросами рабочего движения. Вскоре имя Сэкинэ появляется на страницах центральных журналов. Его статьи касаются самых разных сфер общественной жизни: искусства, культуры, политики. Одновременно Сэкинэ публикует свои первые стихотворения. В эссе «Найти свое место» поэт обращается к современникам: «Я считаю, что те, кто пережил войну, должны лучше и яснее сознавать свое место на земле и свою ответственность перед людьми. Они должны бороться за свои убеждения и помогать другим различать добро и зло, прекрасное и безобразное».

В 1958 г. выходит сборник стихов «Усталые заводы Явата», в котором Сэкинэ показывает социальные контрасты индустриальной Японии. Своеобразная художественная манера привлекает к начинающему поэту внимание читателей. Даже буржуазная критика вынуждена была признать, что «хотя среди «левых» поэтов немногие постигли тайны высокого искусства, Сэкинэ, безусловно, относится к числу избранных». Через три года появляется новый сборник Сэкинэ «Поджечь храм Тодайдзи!» В нем чувствуется зрелое мастерство художника, объявившего войну существующему миру-порядку.

Широкую известность приносит поэту его книга «Собрание стихов Хироси Сэкинэ», увидевшая свет в 1968 г. Стихотворения из этого сборника, явившегося как бы итоговой работой Сэкинэ, были включены в «Антологию лучших произведений новой и новейшей японской поэзии». А на следующий год Сэкинэ публикует еще один цикл стихов «Наш Синдзюку» — рассказ о жизни родного Токио.

Став профессиональным поэтом, Сэкинэ не покинул своего боевого поста. Он открыто признает социальную направленность своих стихов. Всегда и во всем Хироси Сэкинэ остается верен девизу: «Не забывай! Пусть ослепнешь в бою — ты еще человек. Пусть осколком станешь, помни, что сделан ты из железа!»

В японской поэзии наших дней много имен, которые пока неизвестны зарубежным читателям. Этого нельзя сказать о Румико Кора, чьи произведения публиковались в журнале Ассоциации афро-азиатских писателей «Лотос», выходили в поэтических антологиях на европейских языках.

Кора не носит кимоно и не пишет стихов в традиционных японских жанрах. Для ее стиля характерен нервный и четкий верлибр, иногда сменяющийся ритмической прозой. И все же в стихах этой высокой изящной женщины, получившей европейское образование, живет воспетая в сказаниях и легендах «душа Японии», чувствуется кровная связь с многовековой культурой страны. В Японии, где так умеют ценить искусство, Румико Кора была удостоена в 1963 г. высшей награды для поэтов — премии Н.

Румико Кора родилась в 1932 г. в Токио. Детство, прошедшее в годы войны, нашло отражение в одном из автобиографических циклов ее стихов. После войны для поэтессы наступила пора исканий, надежд и разочарований. «Война кончилась — и вот в разрушенном, сожженном Токио, бродя по неузнаваемым улицам, я пыталась постигнуть смысл происходящих перемен. В мире, потерпевшем страшную катастрофу, я жила надеждой, жила мечтой, что существование людей скоро изменится к лучшему. Но время бежало, а жизнь оставалась по-прежнему тяжелой, полной горечи. Своими стихами я хотела помочь людям, открыть для них красоту природы, донести голоса вещей». Стремление помочь людям в поисках прекрасного, облегчить стихами тяготы и невзгоды жизни Румико Кора пронесла через все свое творчество.

В первые послевоенные годы молодая поэтесса участвует в литературной группе «Кибо» и сотрудничает в токийском Музее современного искусства. Вскоре Кора отправляется в Европу и проводит в Париже год вольнослушателем филологического факультета Сорбонны. Близкое знакомство с западной поэзией помогает Коре найти новые изобразительные средства, открывает перед ней мир неведомых ранее красок и звуков: «Меня особенно притягивали стихи Лорки, полные силы и ярости... У того, кто прикасается к этим стихам, кровь закипает в жилах». Позже Кора посвящает специальные исследования творчеству французских писателей: Артюра Рембо, Франсиса Понжа, Алена Роб-Грийе.

Первый сборник поэтессы «Школьник и птица» выходит в 1958 г. и сразу же завоевывает всеобщее признание своей простотой и безукоризненным поэтическим мастерством. За ним появляется следующий — «Пространство», содержащий лирические зарисовки из жизни города. В 1968 г. объектом дискуссий японских писателей и литературоведов становится сборник статей и эссе Кора «Слова вещей». Стихи из своей последней книги «На невидимой земле» Румико Кора читала на международном конгрессе писателей Азии и Африки в Дели в 1970 г.

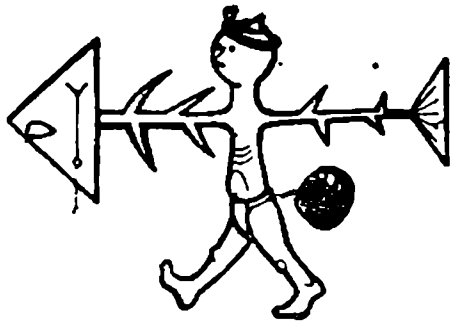
В Японии существует понятие «дзюн бунгаку» — «настоящая литература», совершенное произведение искусства. Таковы стихи Румико Кора, в которых бьется пульс современной Японии. «С детства я привыкла размышлять, молча, иногда закрыв глаза. Я думаю о черных волнах океана, о горах и лесах моей страны, думаю о бабочках над белыми хризантемами, о смуглых людях на рисовых полях. Так рождаются стихи. Так рождается жизнь».

ХИРОСИ СЭКИНЭ

Заданный рисунок

Кто хозяин рыбы?
Я сама! — сказала рыба.
Да, но, между прочим.
Ее поймал рыбак.

Вот здесь и нарисуйте
Рыбака, поймавшего рыбу.

А кто хозяин рыбака?
Я сам! — сказал рыбак.
Да, но, между прочим,
Разрешение на лов выдал чиновник.

Вот здесь и нарисуйте
чиновника, выдавшего разрешение.

Кто же хозяин чиновника?
Я сам! — сказал чиновник.
Да, но, между прочим,
Его уволил директор компании.

Вот здесь и нарисуйте
Директора, уволившего чиновника.

Ну, а кто хозяин директора?
Я сам! — сказал директор.
Да, но, между прочим,
Его охраняли солдаты.

Вот здесь и нарисуйте
Солдат, охраняющих директора.

А кто хозяин солдат?
Мы сами! — сказали солдаты.
Да, но, между прочим,
Они получали жалованье.

Вот здесь и нарисуйте
Солдат, получающих жалованье.

Кто же хозяин жалованья?
Я само! — сказала жалованье.
Да, но, между прочим,
С жалованья взимался налог.

Вот здесь и нарисуйте
Жалованье за вычетом налога.

А кто хозяин налога?
Я сам! — сказал налог.
Да, но, между прочим,
Налоги платим мы.

Вот здесь и нарисуйте
Нас, платящих налоги.

Кто же наш хозяин?
Мы сами! — ответим мы.
И когда каждый будет сам себе хозяин,
Вся Япония станет нашей.

Вот здесь и нарисуйте,
Какими мы будем.

Туман

Поезда в этой стране
Идут сквозь туман.
Пароходы в этой стране
Отплывают от пристаней в тумане.
Самолеты в этой стране
Взлетают с аэродромов в тумане.
В тумане
Я прожил пять лет.
В тумане страдал,
Туман ненавидел...
Туман... я понял, что порождает его
Холодный пассат с Тихого океана
И тепло моего тела,
Нет — всех наших тел.
Тогда я отдал свое тепло,
Я обратился в лед —
И туман рассеялся.

Горящий дом

Горящий дом —
Это верфи, где строят корабли
Для чужих стран.

Горящий дом —
Это фабрика, где собирают швейные машины
Для чужих стран.

Горящий дом —
Это завод, где вместо красителей
Снова делают порох.

Горящий дом —
Это завод, где отливают пушки,
Для которых нужен порох.

Горящий дом —
Это металлургический завод,
Работающий на сырье из страны доллара.

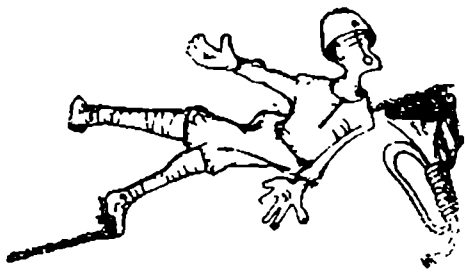
Горящий дом —
Это ткацкая фабрика,
Работающая на сырье из страны фунта.

Горящий дом —
Это дом крестьянина, где не на что купить швейную машину,
Потому что не удалось продать рис.

Горящий дом —
Это дом рабочего, где не топят очаг,
Чтобы суметь вовремя уплатить долги.

Горящий дом —
Это цех накопленной силы,
Бурлящей в городах Японии.

Горящий дом —
Это невидимый завод,
Где с грохотом дробят прошлое.

Солдат

Солдат на дороге как мертвый лежал.
Я поднял его, за врачом побежал.
Вернулся, гляжу —
А солдат помирает.

Я гроб приобрел в похоронном бюро,
А стоит недешево это добро.
Вернулся, гляжу —
Его смех разбирает.

Явился к портному я — так, мол, и так,
Солдату воскресшему нужен пиджак.
Вернулся, гляжу —
Он другой выбирает.

Пристроить солдата решил я тогда,
Достал ему карточку с биржи труда.
Вернулся, гляжу —
А он дом прибирает.

Я фото солдата по клубам таскал,
Жену недурную ему подыскал,
Вернулся, гляжу —
Он на флейте играет.

За мебелью парню я как-то пошел,
Купил для солдата и стулья, и стол.
Вернулся, гляжу —
А он деньги считает.

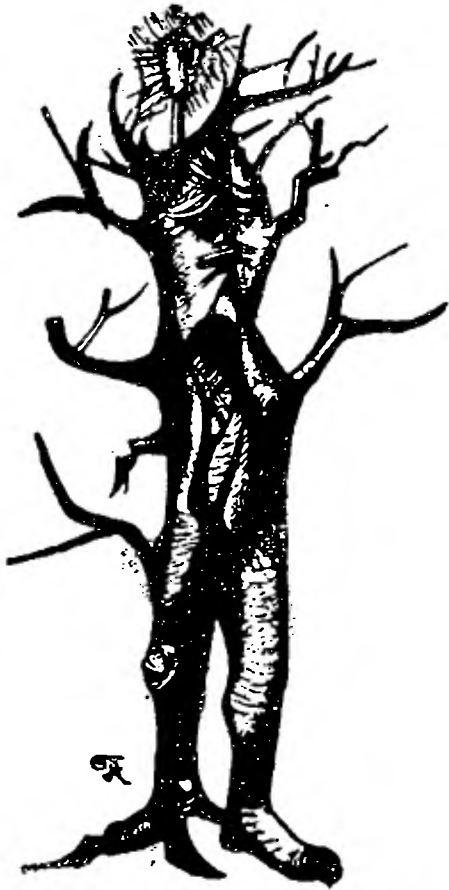
Я в писчебумажную лавку сходил,
Купил ему ручку, бумаги, чернил.
Вернулся, гляжу —
А он режется в карты.

Но этот оживший солдат
Был все-таки только солдат.
И что бы ни делал служивый сейчас,
Приказ для него — как и прежде, приказ.

Услышав команду,
Мундир он надел,
Медали навесил
И марши запел.

Дерево

Пламя окрасило в кровавый цвет
бледных, как смерть, людей.
Пламя
сожгло дерево,
сожгло мое дерево,
осушило слезы,
Вспыхнула листва.
Мгновение
в пламени
чернел лишь неподвижный ствол.

В тот день
между морем огня
и грызущими песок волнами реки
я стоял, словно дерево,
приоткрыв обожженные глаза.

И сейчас, когда я брожу между деревьями,
я боюсь, что они вдруг закричат.

РУМИКО КОРА

Первый снег

Падает снежинка,
падает медленней, чем дождевая капля.
Она летит во всем блеске красоты,
шестиугольной красоты своего хрупкого тела,

делаясь все тоньше и тоньше,—
и наконец умирает
на ресницах земли.

В дереве —
дерево, которое еще не родилось.
Ветви его
раскачивает ветер.

В клочке неба —
небо, которое еще не родилось.
Горизонт его
рассекает крыльями птица.

Где-то в человеке —
Человек, который еще не родился.
Тело его
живет материнской кровью.

В городе —
город, который еще не родился.
Площади его
машут руками прохожих.

Луна

Стреляю в луну!
А луна смеется.
Ее серебристый смех
Вспугнул стаю птиц
С дремотных ветвей
Моей души.

В нашей стране

В нашей стране на прощанье махали последним летчикам,
а потом топили авианосцы, чтобы самолетам некуда было вернуться.

В нашей стране с флажками провожали детей в эвакуацию,
а потом сжигали города, где остались отцы и матери.

В нашей стране пожимали руки юношам,
а потом сажали их за штурвал торпеды.

В нашей стране молодых рабочих радушно встречают на заводе,
а потом превращают их в послушные машины.

В нашей стране с улыбкой пожимают руки,
а потом вкладывают в руки оружие.

Неведомый город

Проходят
женщины в модных платьях.
Двигутся мимо
сумки и детские коляски.
Эта мощенная камнем
дорога
называется — улица.
И у человека, с которым мы живем,
тоже должно быть свое имя.
Вот оно прозвучало — случайно, —
и за черною телефонной трубкой
мне открывается новый мир.

